

Как совершить идеальное убийство

"Когда замыслил убить кого-либо, это дело нельзя откладывать. Сердце может ослабеть, или можно упустить благоприятный случай. Путь Самурая – немедленный порыв и сокрушающий натиск."

Хакагурэ

Октябрь – ноябрь

Должен признаться, я потерял контроль над классом. В классе учился всего двадцать девочек, но, тем не менее, я умудрился потерять над ними контроль. Есть четыре школьницы, которым я не нравлюсь. Они не хотят говорить и слова по-английски. Когда я говорю на японском, они смеются и утверждают, что не могут разобрать ни слова. Эти четверо заразили своим отношением других учеников, и если я и имел какой-то авторитет раньше, то теперь он практически испарился.

Мой метод изучения английского языка, если это, конечно, можно назвать методом, опираясь на предположение, что студенты меня любят, и это, вкупе с естественным желанием учеников получать хорошие оценки, относительно дисциплинировало класс. Иногда, конечно, становилось немного шумно, но ничего такого, с чем бы я не смог справиться. Я всегда старался сделать уроки интересными, причудливыми и необычными. Мне нравилось думать, что именно на такие уроки я хотел бы ходить. Я хотел развить их воображение, заставить их думать, и дать им свободу, в которой им отказывали учителя, придерживающиеся более традиционного подхода. Внезапно выяснилось, что никто не интересуется моими «интересными» уроками. Я был непопулярен. Даже те девочки, которые меня любили, теперь были настроены негативно, поскольку я вышел из терпения безнадежно пытаюсь вернуть контроль над классом.

Я кричал и бесновался. Пользуясь их незнанием английского языка, я грязно ругался и скоро понял, что возненавидел эту школу. К счастью, предводительница четверки, семнадцатилетняя Наоко была непривлекательной. Если бы она была красавицей, это было бы последней соломинкой.

Один раз я видел, как Наоко ласкает свою грудь, как бы взвешивая ее.

– От этого она у тебя больше не станет, – сказал я раздраженно.

Я стал ходить в школу другой дорогой, чтобы не смешиваться с толпами девочек в матросских костюмчиках.

Это было уже просто смешно! Что бы в таком случае сделал Чидэ сэнсей? Или Шиода? Или Роберт Мастард? Одна фраза, которую сказал Билл, застряла у меня в памяти: «Мы не можем жить в страхе.» Поскольку я боялся девчонки-подростка, я обратился к господину Вада за советом.

– Ты можешь вынудить Наоко не приходить на твои уроки, – сказал он

– И что тогда будет?

– Тогда она завалит английский язык.

– Это что, большая проблема?

– Если она завалит английский язык, она будет исключена из школы.

А вот это, как я знал, будет очень большой проблемой. Если девочку исключают из высшей школы на ее второй или третий год занятий, ей будет очень трудно поступить в другую школу, если вообще возможно. Она не закончит школу вместе со своими друзьями, а в Японии твои друзья по старшим классам – это единственные друзья на всю жизнь. Это было то, что я себе сказал. И я подумал, что если я подведу ее и позволю ей испытать все последствия: гнев родителей, низкооплачиваемую работу и отвращение к англичанам, как к народу на всю оставшуюся жизнь. Все хотели, чтобы я так поступил. Я чувствовал себя, как Мартин Шин в «Апокалипсисе сегодня», где он получил приказ убить Марлона Брандо, но все время откладывал исполнение приказа. «Все хотят, чтобы я это сделал, – говорит Шин, – Даже джунгли хотят, чтобы он умер.»

Я тоже не мог рассчитывать на помощь площадок для гольфа и теннисных кортов в решении проблемы с Наоко, у всех с ней были проблемы. Г-н Вада просто озвучил то, что все хотели бы сказать.

– У многих учителей такие же проблемы с ней. Она была трудной ученицей еще с начальной школы.

– Она такая ... нахальная, – сказал я, и рассказал очередную историю о том, как Наоко отказалась выполнять задание.

– Наверное ей придется уйти, – сказал г-н Вада. Я подумал, что он хочет, чтобы я принял такое решение.

– Что бы вы сделали? – спросил я.

– Она у меня не учится. – сказал он прямо взглянув на меня.

Это было очевидно. Я был выбран козлом отпущения. Все хотели исключить Наоко, но, поскольку это была частная школа, никто не хотел нести ответственность, за то, что родители будут неизбежно раздосадованы. Я был гайдзин, меня легко можно было заменить. Если последуют жалобы, можно всю вину легко повесить на меня, сказав: «Он всего лишь иностранец и не понимает, что такое Япония. Я знаю, это ужасно, но он все же учитель, и боюсь, что Наоко не сможет вернуться в нашу школу.»

Чем больше я думал об этом, тем больше мне казалось, что все годами ждали возможности избавиться от девчонки. Станным образом, я начал сочувствовать Наоко. Мы были во одинаковом положении, за исключением того, что меня преследовал Роберт Мастард в японском додзё.

В начале курса нам часто угрожали исключением. Теперь мы чувствовали, что заслужили свое место в группе. Мастард так не думал. Он продолжал подпитывать атмосферу неуверенности. Один незначительный промах мог привести к моментальному уничтожению результата всех предыдущих усилий. Я чувствовал себя, как герой анекдота, в котором водителя останавливают за проезд на красный свет: «Ну же, офицер, а как насчет всех тех зеленых светофоров, которые я проезжал без нарушений? Неужели это не засчитывается?» У Мастарда определенно не засчитывалось.

В первое время его стандартная фраза: «Если тебе не нравится – отправляйся домой» адресовалась персонально, и в основном, мне. Я подсчитывал кому сколько раз он ее говорил, и я в этой игре вел со значительным отрывом. Я был выбран в качестве отрицательного примера. Мы как будто бы играли в какую-то глупую психологическую войну. Он насмеялся надо мной и, иногда, над Адамом: «Бойтесь? Если вы боитесь, оставайтесь дома.» Это приводило в замешательство, но, тем не менее, не работало. В тоже время я понимал, что я отказался от всех своих прав, когда записывался на этот курс. Это японский способ совершенно развязать руки учителю. Например, в некоторых японских школах школьники умирали из-за наказаний, которые им придумывал учитель.

В предыдущем месяце двое детей были заперты в стальном контейнере на восемь часов в наказание за ложь, они умерли от теплового удара и недостатка кислорода. Японцы на многие вещи реагируют неадекватно, но ни один из японских сенсей не подходит к процессу так персонально, как это делает Мастард. Я пытался обсудить это с Биллом, чтобы понять причины.

– Наверное, у него было тяжелое детство. Возможно, его отец был слишком требовательным.

– Великолепно! – сказал Билл, – Мы пытаемся провести удаленный сеанс психоанализа.

Мы сидели в обшарпанных креслах в конце раздевалки, рядом с корзиной для старых доги. Несколько раз мой пояс загадочным образом оказывался в этой корзине. Я подозревал, что это делалось намеренно.

Раздевалка была альтернативой чайной комнате. Курс разделился на две части: Билл, Бен, Рэм и я; и с другой стороны, Бешеный Пес, Малыш Ник, Ага и Крейг, Дэнни и Адам время от времени примыкали то к одной, то к другой части. Это было не полное разделение: все-таки я проводил ежедневно все тренировки в потных объятиях Бешеного Пса, но все остальное время разделение было. Билл сказал: «Война делает из вас либо монахов, либо маньяков. Мы – монахи.» Что он имел в виду? Я подозревал, что он сказал следующее: если к вам относятся плохо, то вы либо это терпеливо сноситесь, либо стараетесь отыграть на других. Билл в этом смысле определенно был монахом, достаточно поднаторевшим в айкидо, чтобы не травмировать партнера. Я, однако, подозревал, что прогрессировать можно только когда тебе наплевать на то, что будет с

партнером и делать технику возможно жестче. Иначе почему все учителя, даже Андо Милосердный проходили через фазу «убийцы»?

В настоящий момент самое большое количество травм происходило во время тренировок с Чино. Лысый Сато, который перед курсом много тренировался с Чино, чем заслужил прозвище «младший брат Чино», постоянно страдал от травм. Его ключица была сломана вовремя того, как Чино пытался отработать никадзе. Он так же получил не менее пяти или шести других переломов и разрывов связок. Я спросил его: – И как тебе Чино, после всех травм, которые он тебе нанес?» Сато состроил перекошенную гримасу: «Мне очень нравится его айкидо, но он сам? Я думаю, что да, но я не забыл своей боли. Не забыл.»

Мы вернулись в раздевалку, где Билл затронул общую тему проблем с мозгами. (Мы уже обсуждали, что возможно Мастард имел какие-то проблемы с головой, и это могло бы объяснить его странное поведение) «В Мексике я встречал боксеров, которые занимались боксом более, чем десять лет, и они, надо сказать, определенно имели проблемы с головой. В Японии это еще хуже, я видел парней, которые занимаются профессионально всего два года и у них уже проблемы: глаза не фокусируются, руки трясутся и им трудно удержать равновесие.»

– Это еще почему? – спросил я

– Толщина черепа. Если ты посмотришь на свое запястье или лодыжку, это даст представление о толщине костей в принципе. У среднего японца весьма тонкие запястья, и думаю, что это можно отнести и к толщине черепа.

Я подумал, что, возможно, это объясняет загадочную заикленность японцев на том, чтобы развить выносливость черепа: Уэсиба бился головой о деревья в Хоккайдо, чтобы развить свою способность противостоять ударам в голову.

Сначала это был просто черный юмор. Я начал думать о том, чтобы убить Мастарда, или, по крайней мере, каким-то образом обезопасить себя от его нападков. Это фантазии стали весьма детальными и реалистичными. Я понял, что на самом деле убить кого-либо – задача совсем не простая, если ее прорабатывать в деталях. Я решил обсудить этот вопрос с Биллом.

Я видел его сегодня в душе, и подумал, что если бы у меня была бейсбольная бита, я мог бы его ударить через занавеску, и он никогда бы не выяснил, кто это сделал.

Билл отнесся к моей идее весьма скептически: «Он чертов сукин сын. Ты должен его убить, потому что если ты сделаешь ошибку и не прикончишь его сразу, ты сам мертв».

Ты прав, это должен быть пистолет.

Но даже тогда ты должен быть уверен, что ты сможешь нажать на курок, глядя в его глаза. У тебя всего одна попытка, и если ты его не убьешь первым выстрелом, ты мертв.

Он был прав. Только по глазам вы можете вычислить настоящего мастера боевых искусств: по безжалостному, бесстрастному взгляду без капли тепла.

Совет Бена заключался в том, чтобы отправить посылку с бомбой.

– А вдруг Кэрл ее откроет? – спросил я.

– ОК, пошли бомбу в пачке сигарет – он всегда прячет их от Кэрл. Это должно его на некоторое время вывести из строя

– Слишком рискованно, – сказал я, – что если он заставит Бешеного Пса открыть пачку?

– Убьешь двух зайцев одним выстрелом, – фыркнул Бен

А это было уже почти всерьез. Я хотел думать, что Мастард не является неуязвимым бойцом, но я не мог быть с разумной точки зрения уверен в этом. По крайней мере, не на все 100% уверен.

Ученик как-то раз спросил Тессю: –Трудно убить человека, неправда ли?

– Вообще нет, – ответил он, – трудно остаться в живых.

Не только Наоко и планирование убийства в додзэ угрожало моему спокойствию, у меня еще были проблемы с визой. И это было критичным. Если я потеряю работу или меня депортируют, я провалю курс. Такое уже случилось ранее, и никто не вспоминал, что человек был вынужден бросить занятия по причинам бюрократического порядка. Победа или позор. Не было никакого другого выбора.

У меня была виза с правом работы, которую я продлил прямо перед тем, как оставил работу на полный рабочий день. Пришло время продлить ее снова, но теперь-то я работал всего один день в неделю, а для того, чтобы получить

такую же визу с правом работы, вы должны были работать минимум двадцать часов в неделю. Компания, в которой я работал, была субподрядчиком для высшей школы, и там не прислушались к моим мольбам. Я зря надеялся, что они сделают мне одолжение и немного подправят свою бухгалтерию. Они сделали такое для одного другого учителя, которого я знал. Но я попал в опалу с приходом другого менеджера, «профессионального учителя» из Айовы. Я возглавил успешный бунт против его детища, системы отчетности настолько же запутанной, насколько бессмысленной. Меня не уволили, но маленький монстр отомстил мне в итоге – конечно, он не будет помогать мне продлить визу.

Я попросил г-жу Нонака попросить владельца компании, лоснящегося, улыбающегося директора строительной компании, который проявил столько же сочувствия, сколько вы могли бы ожидать от копировальной машины.

– Я поговорила с г-ном Наригата, – сказала она. – Но он нечестный человек. Теперь я его буду звать «двухголовый».

– Вы имеете в виду «двуликий»?

– Ну да. Он много болтает, но вам он не поможет.

У меня оставались следующие возможности – культурная виза или туристическая виза. Если я получу туристическую визу, мне придется бросить свою работу, и на что мне жить? Культурную визу, памятуя о задержках, с которыми столкнулся Крейг, было слишком сложно получить. Я не мог бросить все и покинуть курс на неопределенное время на этой стадии. Был, конечно, еще один выход – супружеская виза. Если бы я женился, мои проблемы с работой или длительным проживанием в стране, связанным с занятиями айкидо, разрешились бы. Мой ум, затуманенный и истощенный психологической войной, которую я должен был вести в додзё, немедленно радостно набросился на идею обзавестись женой – японкой. Потом я сдержанно и осторожно стал рассматривать такую возможность. Это не может быть любая женщина. Никто не знает, какие проблемы могут возникнуть в результате. Я немедленно исключил из списка возможных кандидаток Сару. Я действительно любил ее, она была моей подружкой, но я понимал, что ей будет трудно объяснить родителям свой шаг, с учетом того, что для них я до сих пор просто не существовал. Кроме того, я не хотел бы смешивать разные вещи. Я не хотел, чтобы мой фиктивный брак превратился из-за моей лени в настоящий. Я объяснил это Саре и попросил ее совета. Она дала, как не удивительно, прямой ответ. Она считала эту затею плохой. Я пренебрег тем, чего не желал услышать, и назначил встречу с девушкой, которая идеально подходила на роль моей будущей бывшей (я собирался поставить развод непременным условием общего предложения). Девушка, с которой я собирался поговорить на эту тему, имела прозвище «Китайский Призрак», и у нее была впечатляющая коллекция трусиков самых экзотических моделей.

Китайский Призрак, чье прозвище имело отношение к ее внешности бледной эфемерной феи, была секретарем в компании, на которую я раньше работал. Вместе мы пытались рекламировать провалившийся в последствии проект языкового курса под названием: «Английский, как в сериале «Twin Peaks»» Это было в самый разгар трансляции безумно популярного сериала «Twin Peaks», и мы потратили громадное количество денег на надувную куклу, изображающую Кайла МакЛахлана в полный рост, постеры с изображениями актеров и прочую сувенирную продукцию. Это был полный провал, за исключением разве что пресс конференции с представителями модных журналов, таких как: Apple, Trendy и Cutie. На курс не записалось ни одного студента, зато у нас было два запроса от учителей английского, которые видели нашу витрину и хотели наняться к нам на работу.

Провал нашего проекта привел к банкротству компании. Каким-то образом это установило прочные связи между Китайским Призраком и мной. Это не имело отношения к сексу, Призрак любила говорить про секс, а не заниматься им. Она предпочитала напиваться и болтать о своей беззаботной жизни в Лондоне. Не то, чтобы я не пытался затащить ее в постель, но ее это действительно не интересовало, и наше общение сводилось к посещениям опасных баров и разглядыванием их посетителей. Китайский Призрак была поглощена собой, и казалось, ее невозможно было шокировать. Но с того времени, как я начал заниматься на курсах сеншусей, я видел ее один раз, моя система не выдерживала длительных сеансов ночных выпивок, которые выдерживала Призрак. Ей было всего двадцать шесть, но, как и положено призраку, она выглядела вечной.

Я знал, что она хотела жить в Лондоне. Все, кроме японской еды, она считала ограниченным и скучным. Ее отец недавно умер после продолжительной борьбы с

раком, и я считал, что этот факт освобождает ее от необходимости оставаться в Токио. Я даже упоминал как-то в разговоре с ней, что японки готовы заплатить до 10 тысяч долларов, чтобы выйти замуж за иностранца. Я же предлагал ей сделать это бесплатно. Я доверял ей. Она бы не потребовала от меня лишнего. Это был идеальный вариант.

Мы встречались в «Счастливишке», моем любимом баре для иностранцев, после прогулки по проливному дождю, которая была еще более неудобной от того, что Призрак была совсем крошечного роста и ее зонт еле доходил до моего подбородка. Вода, стекавшая с него, все время попадала на мое плечо и руку. Внутри бара было уютно и тепло, владелец бара, японец Мацута разгадывал громадный кроссворд. Он был рад видеть меня и заметил, что мои волосы стали короче. Мы сели у углового столика, и моя одежда стала просыхать.

Если вы поднимаете щекотливую тему в общении с японцем, и они меняют предмет разговора, считайте, что вы уже проиграли, даже не успев начать игру. Вы не можете списать это на невнимательность, или недостаток концентрации – вы никогда не сможете повторно объяснить дело в деталях японцу. Если они не следят за вашими словами, значит они не заинтересованы в предмете разговора. Я героически пытался в общих чертах обозначить проблему, и рассмотреть признаки интереса на лице Призрака. Но не вышло. В результате почувствовал себя непроходимым тупицей.

– Итак, я подумал, что единственный выход – жениться.

Нет ответа.

– Ты не хочешь выйти замуж? Подумай: британский паспорт, постоянное проживание в любой из тринадцати европейских стран...

Призрак хихикнула и отрицательно потрясла головой, как будто она не могла заставить себя сказать нет. Она издала фыркающий звук, глотнула изрядную порцию пива и отвернулась.

Вопрос был закрыт, я провалился. Как и мои планы убить Мастарда, эта иллюзия решить проблему с визой окончательно развеялась. Я жил в Токио с несостоятельным убеждением, что любая девушка будет счастлива выйти за меня замуж. В корне не верно, и Призрак это доказала. Теперь я окончательно отчаялся. У меня оставалась всего неделя до истечения срока действия визы, и мне нужно было поторапливаться.

Мы начали делать техники в дзю вадза (тренировка со свободной атакой) Иногда вас атакует один человек, иногда двое или трое, или, как в случае с Канчо и Уэсиба, пять или шесть. Атака продолжается, пока атакующий не будет сбит с ног, обездвижен или по команде учителя. Идея такой тренировки состоит в улучшении взаимодействия между атакующим и атакуемым, чем более яростно атакует первый, тем второму проще с ним работать. Наверное, за эти здорово наблюдать со стороны – как за балетом – атака, бросок, опять атака. Когда атакующий приближается и наносит удар, задача атакуемого – уйти в сторону, разрушить его атаку и бросить его с использованием какой-либо техники, которая хотя бы отдаленно напоминает айкидо. Со временем броски все становятся все лучше и лучше, но сначала они носят искусственный характер, так как ваша задача сначала заключается в том, чтобы не пропустить атаку. После броска атакующий делает страховку, поднимается на ноги, и атакует уже другим способом.

Атакуемый не может использовать все время только одну технику. На самом деле, он и не захочет, так как разница в угле и скорости атаки диктует, какой именно способ разрушить атаку лучше применить. К сожалению, иногда вы можете заикнуться на одной и той же технике броска. И это нервнует, как наблюдение за застрявшей на одной дорожке патефонной иглой. Планирование последовательности дзю вадза делает все исполнение неуклюжим и натянутым, дзю вадза больше всего напоминает джаз, где заранее выученные кусочки мелодий собираются в произвольном порядке.

Про музыку нам объяснил Стефан Силач. Он перед классом изображал игру на гитаре, как завзятый металлист: –Дзю вадза похожа на игру на гитаре, парень, ты не можешь, сделав ошибку, прервать игру и сказать «извините». Ты должен продолжать, ошибся ты или нет, ты должен играть дальше.

Естественно, тяжелее тому, кто атакует и должен страховаться, после пятнадцати или шестнадцати бросков вы уже дышите с трудом. Чем более расслабились, тем легче даются страховки. К сожалению, если у вас небольшая травма и огромные опухшие «шишечки», не так-то просто быть расслабленным.

Я стоял в паре с Гимпи, он бинтовал слабые запястья, хотя уже оправился от травмы в начале курса. Как ни странно, он работал довольно уверенно и бросал меня по всему залу. Я подумал, что он, наверное, тренировался в бросках раньше, так как не смотря всю его хрупкость, у него был замечательный тайминг. С Бешеным Псом получалось хуже. Он слишком часто использовал бросок через бедро, в котором я должен был приземлиться на «шишечку». После нескольких недель тренировок в дзю вадза все чувствовали себя совершенно разбитыми.

Мастард часто требовал, чтобы пара, выполняющая техники в дзю вадза тренировалась перед всеми остальными. И это был отличный способ еще раз придаться к чему-нибудь в моем случае: когда я первый раз сделал ошибку в начале тренировки, он сказал: «никуда не годится», и выгнал меня из зала. То же самое случилось на следующий день! Я даже не мог продолжить тренироваться в этот день! И как только я почувствовал себя несправедливо обиженным, он проделал то же самое с Крейгом, который с безграничным мазохизмом старался заслужить похвалу от Мастарда. Мое хрупкое чувство справедливости укрепилось, когда я увидел, что один из «любимчиков» также покинул зал. Мастард придерживался метода выбора одного ученика в качестве примера для подражания, и второго в качестве козла отпущения. Обычно козличами оказывались я или Адам, Бешеный Пес и Малыш Ник – примерами для подражания.

С точки зрения Пола, такое положение для нас с Адамом было неплохой тренировкой. В первый раз за свою жизнь я проникся сочувствием к тем дурачкам, которые заваливают экзамены в школе, которые должны тяжело работать и страдать, чтобы заслужить не похвалу, а молчание или критику. Эта «хорошая тренировка» была очень неприятной вещью. И второгодники в школе хотя бы могут побить отличников время от времени. Я не мог себе позволить даже этого, так как у большинства в группе уровень был выше моего! Шептаться в чайной комнате или фантазировать на тему убийства Мастарда с Биллом – это был единственный доступный мне способ сбросить пар, но мне было этого мало. Я чувствовал, что у меня буквально сносит крышу.

Я решил поговорить с Кеном о своей проблеме с визой. На половину окинавец, на половину японец, Кен жил в Сан-Франциско с семнадцати лет, и только два года тому назад уехал из Штатов. Кен раньше торговал наркотиками и сбежал в Токио, потому что жизнь в Калифорнии становилась слишком опасной для него. Он женился на очень приятной японской девушке, которая владела семейным ресторанчиком. Кен звал ее «сучка». Она не понимала английского языка, а ему нравилось отдавать ей приказы, сопровождаемые бранью: «Купи билеты, сучка!», «Ты поведешь, сучка...», «Где деньги, сучка?» В реальности жена Кена вела бизнес, а он убирался в ресторане, и относился к ней с нежностью и заботой. Он как раз решил свои проблемы с визой при помощи вовремя сыгранной свадьбы. Затем он развелся, потому что оказалось, что поскольку у него были предки с Окинав, виза ему не нужна. Очень в духе Кена. Он пытался преподавать, но потерял работу, поскольку был слишком честен и не обучен по обычаю среднего класса высказываться уклончиво. На вопросы вроде: «Почему вы хотите стать учителем английского языка, г-н Хамада?» он честно отвечал: «Я говорю по-английски и люблю девушек. А у вас тут, как я заметил, чертовски много хороших девочек.» Перед одним из собеседований я помогал завязать ему галстук, оказалось, что раньше он никогда галстук не носил.

Кен занимался айкидо, но терпеть не мог экзамены, поскольку не хотел, чтобы его сравнивали и обсуждали. Он практиковал айкидо уже несколько лет, и был одним из самых талантливых новичков в додзэ. Он так же обожал странные бары. Самым любимым его баром на данный момент был бар Болотистая Венера, маленькое помещение которого вмещало всего восемь мест. Бар принадлежал бывшей солистке девичьей рок-группы, которую так же называлась Болотистая Венера. Кен любил выпить, и хотя он не побывал в точности такой же ситуации с визой, как я, мне казалось разумным с ним посоветоваться.

Бар был увешан постерами и сувенирами из научно-фантастических фильмов и привезенных с гастролей группы. Владелице было около тридцати лет или меньше, и ее бизнес держался на бывших фанатах группы и завсегдатаях. У нее были зеленые волосы, пирсинг и татуировки, но не смотря на это, она была образцом дружелюбия, как и все остальные мама-сан в Японии.

Кен говорил быстро, очень быстро, его уличный сленг пестрил устаревшими калифорнийскими жаргонизмами вроде словечка «котик». Хотя, возможно, такой жаргон снова вошел в моду.

- Ну и что ты будешь делать, когда какой-нибудь котик подвалит к тебе на улице, что ты сделаешь?

- Убегу?

- Не, это не пройдет, ты тренируешься, и они тебя натаскивают. Промывают тебе мозги. Ты убийца. Это основная вещь, которой учат на этом чертовом курсе для мачо. Это чистое безумие, правда? Этот парень Мастард — я хочу сказать, кто он такой? У этого котика большие проблемы, должен сказать тебе. Его проблема — он жаждет власти. Он жаждет полного контроля над вами, ребята. Он хочет съесть ваши сердца и мозги. Сердце и мозг. А то, как он общается с этим чуваком Такено, это звучит как мазохизм. Такие парни обожают, когда им дают хорошенько по морде. Это ненормально. Этот котик точно съехал с катушек.

- Так что по поводу визы?

- Да пусть она идет к черту! Пошли к черту эту паршивую визу.

- Стать нелегалом?

- Да какая разница. Виза всего лишь бумажка. К такой-то матери бумажки. Пошли ее на... немедленно. — Кен проорал что-то на японском болотистому венерианцу. Появились два стакана холодного пива Asahi.

- Тебе нравится эта дрянь?

- Вполне. Лучше, чем Sapporo.

- Эта ситуация с визой, конечно, проблема, парень. Но жениться тебя не надо. Не делай такой ошибки. Посмотри на меня. Я скоро уеду. Жизнь в браке — дерьмо.

- Куда ты поедешь?

- В Сан-Франциско.

- А твоя жена?

- Подумаешь, жена! Мне пора возвращаться. Здесь ничто не работает, как нужно бы, — он сделал торопливый глоток, — берегись Мастарда. У этого котика точно уехала крыша.

Как я пришел к решению игнорировать Мастарда, я теперь уже не могу сказать. Я решил, что поскольку я пытался следовать буквально его инструкциям, и это ни к чему не привело, то, возможно, поможет прямо противоположный подход. Я так же подсчитал, что у меня было только два месяца до экзамена на черный пояс, и я смогу прожить без его одобрения. А после экзамена? До окончания курса надо будет потерпеть еще три месяца, и если он продолжит свои придирки, то я брошу курс и удовлетворюсь черным поясом.

Когда я произносил «осс» в его адрес, это звучало механически, формально и совершенно неискренне. Между нами стучалось напряжение, и это, конечно, теперь выглядит глупо, но в перегретой сумасшедшей атмосфере додзё это было нормально, и совершенно этой самой атмосфере соответствовало. Он понял, что что-то не так, и сначала тоже решил меня игнорировать. Отлично. По крайней мере, я мог продолжать практиковаться, как считал необходимым. Мастард понял, что именно такого эффекта я и ожидал, и снова стал цепляться ко мне: «Никуда не годится. Еще раз», «Никуда не годится». Мне до чертиков надоело это слышать снова и снова. Бешеный Пес иногда симпатизировал мне, иногда принимал сторону Мастарда. Но обычно он был лоялен. Один раз я сделал какую-то технику перед всеми, и когда Бешеного Пса спросили, в чем ошибка, он сказал: «Мне кажется, что все было сделано правильно.» Очевидно, я сделал какую-то грубую ошибку, однако никто не мог определить, в чем именно она состояла, пока на нее не указал инструктор. Это конечно, не значит, что ошибки не было, но это значит, что другие сенсусеи почувствовали настроение Мастарда, и не собирались меня казнить без суда и следствия..

За три дня до окончания моей визы я наконец-то решил обратиться за советом к Крису. Он всегда давал очень дельные советы, но когда я спрашивал его, я чувствовал себя обязанным его совету следовать. Я не мог пренебречь мнением Криса, поэтому я редко обращался к нему за советом. Но теперь мне отчаянно нужна была его помощь.

Он сидел за компьютером в квартире на Фуджи Хайтс, созерцая какую-то неперевоодимую тарабарщину. Наш компьютер подхватил вирус, и Крис, вместо того, чтобы вылечить систему, пытался понять, что представляли из себя файлы до повреждения вирусом. Для того, чтобы напечатать страницу, нужно было наугад ткнуть в экран, беспорядочно заполненный крокозябрами. Это было в духе Криса — жить на волоске от полного разрушения.

Я спросил его, что мне делать. Он кликнул еще раз на несколько кнопок, значение которых невозможно было дешифровать. Затем сказал: «Я собираюсь пойти в супермаркет. Ты хочешь мороженого?»

Крис был похож на Шерлока Холмса, только его способность решать проблемы стимулировалось не трубкой, а мороженым. Это была серьезная, определенно, сливочно-капучинно-миндальная проблема.

Затем он пришел и просто решил ее.

- Тебе нужно улететь из страны. Езжай в Сингапур или Сеул. Сингапур лучше, в Сеуле слишком много иранцев и других скользких типов. Прилетай обратно и получи обычную туристическую визу. Почему бы и нет? Все эти истории про визу супруга и культурную визу только отвлекают от верного направления мыслей. Тебе просто нужно въехать в Японию еще раз. Если ты будешь здесь, ты сможешь закончить курс. Никто в додзэ не будет проверять, какого типа у тебя виза на этой стадии. Они и не узнают, если она будет туристическая.

- Но туристическая виза действительна только три месяца.

- Ты можешь ее продлить или остаться в стране последние два месяца нелегально. Но ты практически наверняка сможешь ее продлить. Твой паспорт не пестрит штампами продлевающими визу. Все будет в порядке.

- А что с работой?

- Наври им. Но скорее всего, они не попросят. Они знают, что у тебя есть проблемы, но ты можешь сказать, что получаешь культурную визу через додзэ. Скажи им, что процесс затягивается на несколько месяцев, и твой паспорт в консульстве.

Это было так просто. Единственная проблема могла возникнуть при въезде в Японию. Иммиграционные службы постоянно ужесточали борьбу с нелегально работающими иммигрантами. Но в первый раз за долгое время я чувствовал себя спокойно. Даже если меня уволят, я найду способ прожить. Единственной важной вещью было закончить курс сеншусей.

За два дня до того, как я должен был улететь, ко мне подошел Мастард, и сказал мне, где я ошибаюсь в технике. Я с трудом осознавал его слова. Я смотрел сквозь него или мимо него и говорил «осс» совершенно невпопад. Он убежал от меня в гневе. В это утро Пол даже отчитал меня за несоблюдение этикета. Это было уже не важно, мои мысли гуляли где-то далеко. В конце тренировки Мастард попросил всех собраться вокруг него. Он был не в духе, и, следовательно, мы слушали его в сейдза. Если бы он был в хорошем настроении, он бы позволил нам слушать стоя. Он жаловался на недостаточно уважительное отношение.

- Особенно у тебя. - Он ткнул в меня сердито пальцем. Я сказал «осс», потому что этикет требует этого, если к тебе обращается учитель. И это распалило Мастарда еще больше. - Если ты не перестанешь так себя вести, я отвешу тебе оплеуху и силой вышвырну тебя из додзэ. Ты понял? Чίδα навряд ли одобрит это, но, тем не менее, я это сделаю! - Он рывкнул, что мы можем разойтись.

В раздевалке никто не желал со мной разговаривать. Я стал персоной non grata. Билл пробормотал, что ждет меня, как обычно, в кофейне, и спешно ретировался.

Крейг со страдальческой миной сказал. - Мог бы говорить «ос» и пожеливее
- Я попытался, сказал я.

- Я понимаю, - он потрепал меня по плечу. Это был жест сочувствия, который я от него совсем не ожидал.

Билл, ждавший меня в кофейне, был еще более злым, чем я.

- Он просто не имеет права с тобой так обращаться! Если тебя выгонят, то следующим уйду я. Проклятье, этот ублюдок меня приводит в бешенство! Боже, он такая задница. Он не имел никакого права говорить тебе подобные вещи.

- Ничего, - сказал я, - я уеду на некоторое время, мне нужно возобновить визу. Все успокоится к моему возвращению.

- Я просто говорю, что у нас тоже есть права... Но этот парень... жопа, просто жопа.

Мы поносили Мастарда последними словами еще в течение часа или двух, и от этого мне стало немного легче. Я предупредил Пола, что мне нужен отпуск для того, чтобы возобновить визу и он, как всегда рассудительный и профессиональный, сказал, что с этим не будет никаких проблем. Странно, что бумажка со штампом в додзэ значила больше, чем серьезная травма. Путешествие

было последним кратковременным выходом на волю, и это был последний шанс вырваться «из застенков».

Я купил дешевые билеты в Сингапур и вылетел днем позднее. Никогда больше я не испытывал подобного облегчения. Самолет взлетал выше и выше в небе над Токио, пролетел над островами и затем над синими водами Тихого океана, и все напряжение осталось далеко позади. Я заказал пару банок американского пива и написал в моем дневнике: «Что такое свобода? Когда тебе никто не мешает вздохнуть.»

В Сингапуре я оторвался на полную катушку. Неважно, что там был штраф в \$500 за использование лифта вместо туалета, и что жевательная резинка была запрещена. Для меня это была полная свобода. Я мог ехать, куда хотел, и решил поехать в Малайзию с целью сэкономить.

На вокзале Сингапура я купил билет до Джохор Бахару. Как только поезд въехал на территорию Малайзии, все вытащили контрабандные упаковки с жвачкой Ригли и начали беспечно ее жевать. В Джохор Бахару пересел на автобус до Куала Лумпура. Во время того, как автобус ехал, старушка, занявшая все заднее сиденье, испражнялась в розовый целлофановый пакет. Запах был непередаваемый. В окно я видел, что все обочины в Малайзии усыпаны похожими пакетами. Я посчитал, что национальным Малайзийским цветом должен считаться розовый. Мне было наплевать. Я размышлял, что до этого держало меня в чертовом додзё так долго? Зачем я добровольно засадил себя за решетку? И не мог найти достойного ответа. Я думал, что никогда не вернусь обратно.

В Куала Лумпуре я остановился у своего приятеля по колледжу. Он был успешным адвокатом и жил в большом доме, заполненным слугами. Я наслаждался отличной едой, свежей рыбой, овощами, манго и теплым, только что выпеченным хлебом, и все это так контрастировало с Фуджи Хайтс, что даже смешно об этом упоминать. Мне казалось, что я не ел ничего подобного уже долгое время. В Японии я привык заглатывать еду, просто для того, чтобы поддержать жизнеспособность организма. Я был не прав! Еду нужно смаковать, наслаждаться, и блаженно переваривать. В Японии я не переваривал еду, я обрабатывал ее, причем навряд ли этот процесс был эффективен.

Я слонялся по шикарному дому, полы которого были устланы мрамором,пил кофе, которое подавала дружелюбная и болтавшая на индонезийском горничная. Ее не смущало, что я ее не понимал. Боже, я чувствовал себя как дома затаиваясь произведенной в Англии сигаретой и наблюдая как полуденный тропический ливень стучит по веранде. Я только должен подумать о том, что буду делать дальше. Не мог же оставаться в Малайзии навсегда? Я постепенно пришел к тому, что стал сомневаться, что вообще надо было поступать на курсы. В то время, как другие люди так славно проводят время! Но если я не вернусь, все усилия пропадут втуне.

Я вернулся в Сингапур, и остаток времени провел как в тумане. Я даже необдуманно купил упаковку жвачки в переполненном супермаркете, и почувствовал, как на меня устремлены сотни укоризненных взоров. Я не хотел, чтобы меня подозревали в нелегальном жевании резинки, и арестовали за это. Я даже не знал, каков размер штрафа. Если есть выбор между избиением и штрафом, я лучше бы ввязался в драку, по крайней мере, меня этому обучали.

Я посетил Шанги Гаол, это было близко к аэропорту. Смотря на гармоничное сочетание толстых стен и наблюдательных вышек (крепость все еще используется в качестве государственной тюрьмы), я думал, не здесь ли был сделан портсигар полковника Х. В этом месте не было угрюмой атмосферы, как в Дахау или Берген-Белсене, бурная тропическая растительность скрыла все следы войны и обступала темницу со всех сторон, даже нависала над дорогой. Джунгли растворили все, даже страдания и смерти. Рано или поздно они разрушат и крепость, если дать им шанс.

Там был музей и потрепанные реконструкции, но я бы сказал, что сингапурцы хотят забыть войну. С учетом того, что очень много японцев приезжает в Сингапур в шопинг-туры, это мудрое решение. И хотя малайзийские старшеклассники знают про Хиросиму, я никогда не встречал японского подростка, который бы знал про Чанги или про железную дорогу смерти. Чувство вины ставит на атомную бомбу и, очевидно, выигрывает.

Там была фотография Малайзийского тигра, генерала Ямашита, в полный рост. Я сфотографировался рядом с ним.

Канчо прошел через войну в Сингапур и закончил ее в Борнео. В своей автобиографии он говорил, что слабость Японии проявлялась в том, то японские

офицеры купались в роскоши: «Да и сам даже имел граммофон с иглой и держателем иглы из чистого золота... Это и послужило причиной поражения Японии в войне»

Я посетил Отель Кокпит, любимое место Криса для того, чтобы посидеть на балконе и посмотреть на полуденный ливень. Но уже был вечер, было влажно и прохладно, и дождя не было. Я выпил два коктейля, но они сделали только мою голову тяжелой, и испортили мне настроение.

Я поймал такси в аэропорт. Кого я обманываю? Чтобы сказал полковник Х, если бы узнал, что я позволяю япошкам себя превзойти? Я должен вернуться. Я должен испить эту чашу до дна.

В самолете я решил, что буду идеальным сенсусей. Я буду говорить «осс» громче всех, каждый бросок делать так хорошо, как могу, поддамся безумию армейского порядка. Попытка отстраниться от процесса провалилась. Ты не можешь одновременно тренироваться и спокойно наблюдать свысока за тем, что происходит.

Я почувствовал, что успокоился. Моя ненависть к Мастерду поутихла и я чувствовал себя достаточно сильным, чтобы продержаться до экзамена на черный пояс. Я должен брать пример с одного из учеников Тессю, Хасегава, который был настолько неуклюжим, что не научился за пятнадцать лет делать прямой удар мечом. Тем не менее он упорно занимался и стал одним из лучших студентов Тессю, и даже давал Тессю фору в тренировочных поединках. Хасегава представлял собой пример того, как дух может преодолеть физические недостатки и его любимой цитатой было высказывание: «Если дух целостен — нет ничего невозможного.»